

«СЛОВО»
В. НАБОКОВ

Вероника
Витальевна
Разумец,
Президентский
ФМЛ № 239,
Санкт-Петербург

*Владимир Набоков.
Берлин, 1923 год*

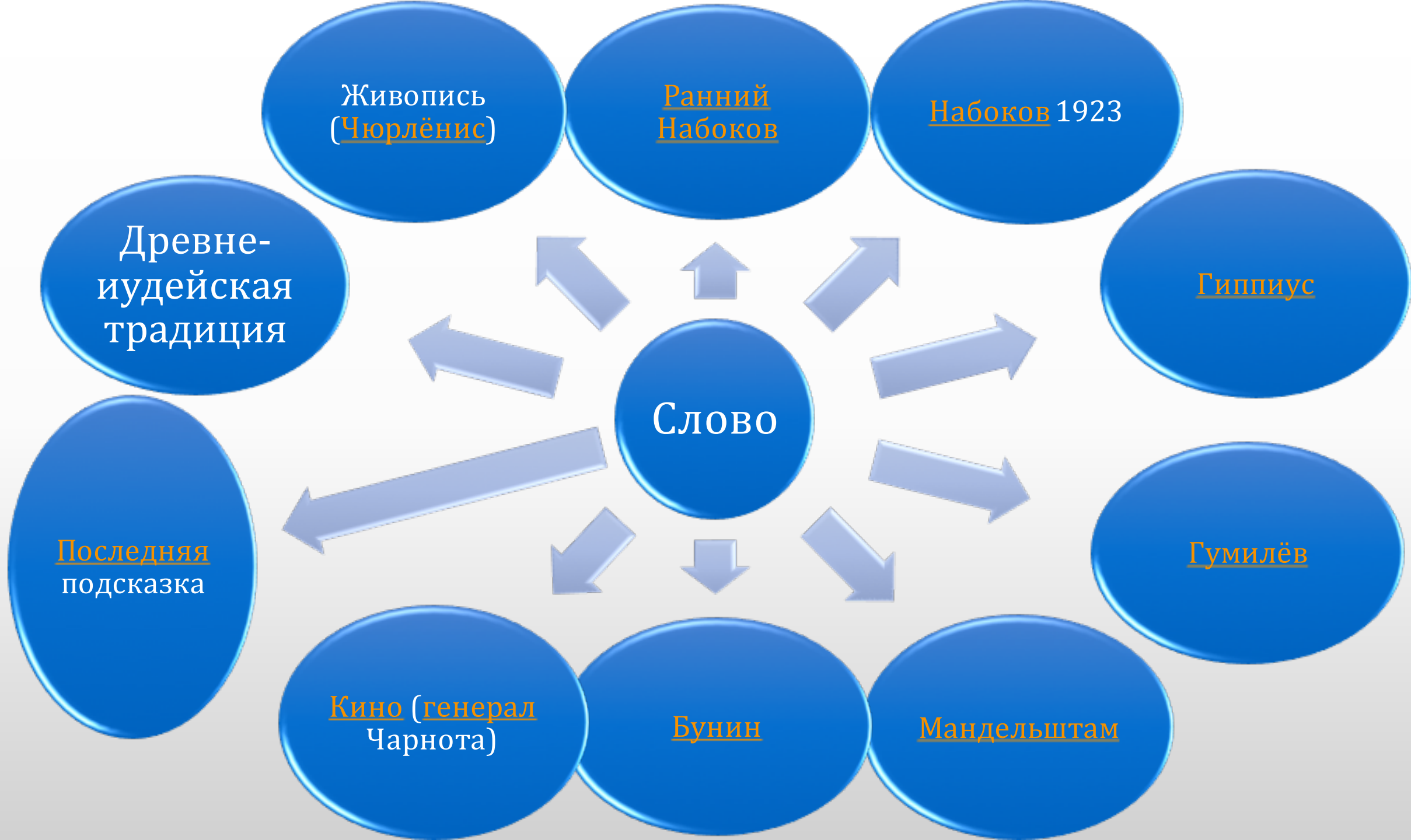
все чувства мира

- Небо было голубым, заря алой, листва зелёной, глаза красавиц чёрными, тучи серыми и т.д. Только Гоголь (а за ним Лермонтов и Толстой) увидел жёлтый и лиловый цвета.

Вл.Набоков. Другие берега.

Черно-бурую группу составляют: густое, без галльского глянца, **А**; довольно ровное (по сравнению с рваным **Р**) **Р**; крепкое каучуковое **Г**; **Ж**, отличающееся от французского **Ј**, как горький шоколад от молочного; темно-коричневое, отполированное **Я**. В белесой группе буквы **Л, Н, О, Х, Э** представляют, в этом порядке, довольно бледную диету из вермишели, смоленской каши, миндального молока, сухой булки и шведского хлеба. Группу мутных промежуточных оттенков образуют клистирное **Ч**, пушисто-сизое **Ш** и такое же, но с прожелтью, **Щ**.

Переходя к спектру, находим: красную группу с вишнево-кирпичным **Б** (гуще, чем **В**), розово-фланелевым **М** и розовато-телесным (чуть желтее, чем **У**) **В**; желтую группу с оранжеватым **Ё**, охряным **Е**, палевым **Д**, светло-палевым **И**, золотистым **У** и латуновым **Ю**; зеленую группу с гуашевым **П**, пыльно-ольховым **Ф** и пастельным **Т** (все это суше, чем их латинские однозвучия); и наконец, синюю, переходящую в фиолетовое, группу с жестяным **Ц**, влажно-голубым **С**, черничным **К** и блестяще-сиреневым **З**. Такова моя азбучная радуга (**ВЁЕПСКЗ**).

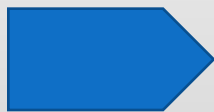
Ранний Вл. Набоков

* * *

Шепни мне слово, то слово дивное,
Но тихо его шепни;
Оно святое, оно наивное,
Как первый цветок весны.

Я вижу снова дорогу пыльную...
Мы молча с тобой идем...
Я помню, песню искал я сильную
И в слове нашел одном...

То слово — первое слово нежное,
Из белых слогов — оно;
Оно младое, оно безбрежное;
Как небо, всегда одно.

1916

Вл. Набоков (1923)

И в Божий рай пришедшие с земли
устали, в тихом доме прилегли...

Летают на качелях серафимы
под яблонями белыми. Скрипят
веревки золотые. Серафимы
кричат взволнованно...

А в доме спят,-

в большом, совсем обыкновенном
доме,
где Бог живет, где солнечная лень
лежит на всем; и пахнет в этом доме,

как, знаешь ли, на даче,- в первый
день...

Потом проснутся; в радостной
истоме

посмотрят друг на друга; в сад
пройдут –

давным-давно знакомый и
любимый...

О, как воздушно яблони цветут!...

О, как кричат, качаясь, серафимы!...

1923

Вл. Набоков

Когда из родины звенит нам
сладчайший, но лукавый слух,
не празднословно, не молитвам
мой предается скорбный дух.

Нет, не из сердца, вот отсюда,
где боль неукротима, вот –
крылом, окровавленной грудой,
обрубком костяным - встает мой

клекот, клокотанье: Боже,
Ты, отдыхающий в раю,
на смертном, на проклятом ложе
тронь, воскреси - ее... мою!..

• 1923

Ф.И. ТЮТЧЕВ

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, –
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

3. Гиппиус. Бессилье

Смотрю на море жадными очами,
К земле прикованный, на берегу...
Стою над пропастью — над небесами, —
И улететь к лазури не могу.

Не ведаю, восстать иль покориться,
Нет смелости ни умереть, ни жить...
Мне близок Бог — но не могу молиться,
Хочу любви — и не могу любить.

Я к солнцу, к солнцу руки простираю
И вижу полог бледных облаков...
Мне кажется, что истину я знаю —
И только для нее не знаю слов.

Н. Гумилев. Слово

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.

Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это - Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

И.А. Бунин. Слово

Молчат гробницы, мумии и кости,—
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.

Монолог генерала Чарноты из к/ф «Бег» (по пьесе М.А. Булгакова)

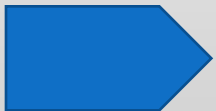

«...Когда вас поведут в рай, я буду сидеть там у ворот и передо мной будет лежать шляпа. Я буду сидеть там тысячу лет и просить... И никто не подаст! Никто! Даже самый добрый из нас - Бог. При желании можно выклянчить все: деньги... славу... власть... Но только не Родину, господа! Особенно такую, как моя. Россия не вмещается... не вмещается в шляпу, господа нищие!»

(реж. А.Алов и В.Наумов, 1970)

М. Чюрлёнис. Рай. 1909 г.

Кто знает те бури,
что суждено пройти
раньше, чем человек
проникнет к вечно
лучезарным высотам
духа. Мы можем лишь
едва угадывать перво-
начальный ужас, что
принесло Чюрлёнису
всё более
раскрывающееся
ясновидение,
приведшее
его впоследствии к
созданию
«Рая» (после «Бури»)

О.Э. Мандельштам

Образ твой, мучительный и зыбкий,
Я не мог в тумане осязать.
«Господи!» — сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.

Божье имя, как большая птица,
Вылетело из моей груди!
Впереди густой туман клубится,
И пустая клетка позади...

Апрель 1912

Тетраграмматон

-это

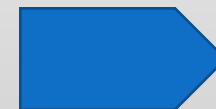
третье лицо единственного числа будущего времени глагола др.-

евр. ה'ה — «*быть*» и буквальный

перевод тетраграмматона:

«(Он) будет», некоторые ученые предлагают перевод: «(Он) жив».

יהוה

7 января
1923г.,
Берлин

«7 января 1923 года комсомольская молодежь не испугалась «гнева Господа» и открыто, с пением революционных песен под красными знамёнами выступили против буржуазии-религии....Более 3 тысяч человек рабочей молодежи штурмовали небо....Вот была работа: богов жгли, как чертей, а черти пылали как солома. Их тащили со смехом на Таганрогский проспект...Богов жгли в самом центре города....За Иеговой сгорели Аллах, Будда, Иисус Христос, Богоматерь и т.д.»

